

«Люблю, чтобы Пушкин был «по руке»

Известия - 2006
6 июня - с. 5

Пушкинский день рождения — давно уже праздник. Вне зависимости от того, круглая дата или нет, 6 июня отмечают торжественно и повсеместно. В Государственном музее А.С. Пушкина состоялась церемония вручения Пушкинской премии. Новая Пушкинская (таково ее точное название) учреждена Фондом Александра Жукова, Государственным музеем А.С. Пушкина и Государственным музеем-заповедником «Михайловское». В этом году она присуждена поэту Юрию Кублановскому «за совокупный творческий вклад в отечественную культуру». Обозреватель «Известий» **НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ** взял интервью у нового лауреата.

ИЗВЕСТИЯ: Юрий Михайлович, во-первых, поздравляю вас с присуждением Пушкинской премии. Вы рады?

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ: Разумеется. Пушкин столько значит для русской поэзии, что стать лауреатом награды, которая носит его имя, безусловно, лестно.

ИЗВЕСТИЯ: Сейчас существует немало литературных премий. Совсем недавно, например, присуждалась премия «Поэт»...

КУБЛАНОВСКИЙ: Честно сказать, нездоровый ажиотаж вокруг литературных премий порой уводит от литературы, и от поэзии в том числе. Слишком много поднимается пены, слишком много разных закулисных интриг, зависти, ревности, а литература остается в стороне.

ИЗВЕСТИЯ: Ну хорошо, а сам институт поэтов-лауреатов? Известно, например, что Бродский довольно много делал для восстановления интереса к поэзии в США и в мире после присуждения ему Нобелевской премии...

КУБЛАНОВСКИЙ: Наверное, в его деятельности — когда он добивался, чтобы в Америке в каждом номере отеля лежала поэтическая антология, — есть смысл, пусть даже и символический. Ведь лежит же Библия, почему не быть рядом стихам? Хотя считать, что таким образом восстанавливается статус поэзии, конечно, наивно...

ИЗВЕСТИЯ: В чем, по-вашему, главное значение Пушкина для русской поэзии?

КУБЛАНОВСКИЙ: Владислав Ходасевич через три года после революции сказал, что Пушкин — имя, «которым мы будем окликать друг друга в наступающем мраке». Пушкин дал образец необыкновенной поэтической целостности и осветляющей жизнь гармонии. Его затем растащили по кусочкам, и теперь, к сожалению, вряд ли эта первоначальная пушкинская полнота восстановима в нашем сознании... Пушкин подарил русской поэзии естественность языка. Ведь до него, честно сказать, наши поэты не всегда изъяснялись членораздельно. И Пушкин заложил основы нравственности нашей литературы. Когда она начинала ею пренебрегать, то сразу становилась вульгарной.

ИЗВЕСТИЯ: Когда мы говорим о Пушкине, то чаще всего называем его поэтом. Но он ведь и прозаик, и публицист, и историк.

КУБЛАНОВСКИЙ: Поэзия — понятие всеобъемлющее. «Капитанская дочка» — это тоже поэзия, так же как, например, «Хаджи-Мурат» Толстого или рассказы Чехова. А вот Салтыкова-Щедрина поэтом не назовешь никак. Поэзия есть гармония, облаченная в слово, а ни в коем случае не карикатура, не пасквиль.

ИЗВЕСТИЯ: Толстой когда-то говорил, что поэтическая речь искусственна. Единственное исключение он делал для Пушкина. Пушкин, по его словам, «думал в рифму». Вы тоже так считаете?

КУБЛАНОВСКИЙ: Ну да, естественность пушкинской поэзии уникальна. Но давайте посмотрим, как он писал стихи. Это теперь у поэтов нет черновиков, работа происходит не на бумаге, а в голове. Черновики Пушкина свидетельствуют о его сверхинтенсивной литературной работе. Он всегда искал единственно возможное, абсолютно точное слово. Отсюда и такое воздействие его поэзии, в которой нет ничего излишнего.

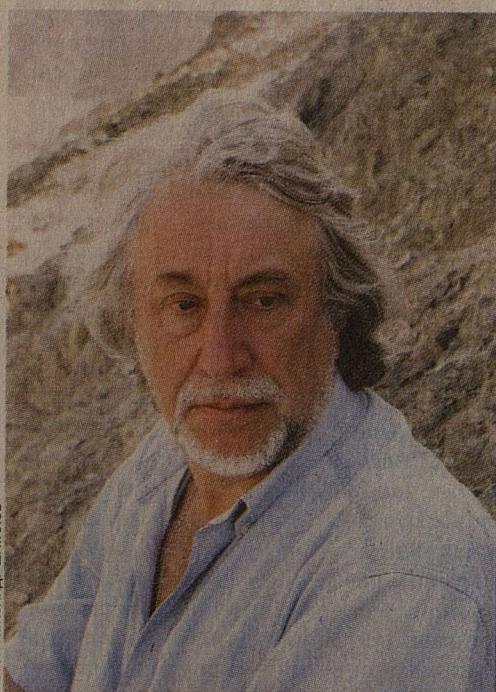

ФОТО: АЛЕКСАНДР ШАТАЛОВ

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к мифам о Пушкине, которые до сих пор продолжают возникать?

КУБЛАНОВСКИЙ: Это правда. Из Пушкина делают то богомольца, то вертопраха. Те, кто пишет о Пушкине, часто наделяют его собственными комплексами и убеждениями. Так, например, неприятный осадок оставляют работы о Пушкине Вересаева, бросающие тень на качество его личности. Ярко и сильно писал о Пушкине Солженицын...

ИЗВЕСТИЯ: Какой период жизни Пушкина вас привлекает более всего? Какого Пушкина вы любите?

КУБЛАНОВСКИЙ: Конечно, самый таинственный и самый интересный период — это время после женитьбы. И даже еще позже: три-четыре года перед смертью. Там есть загадочные, удивительные стихи. Пушкин созрел как мыслитель, как историк, как мудрец, и все это есть в его поздних произведениях.

ИЗВЕСТИЯ: В детстве вы любили сказки Пушкина?

КУБЛАНОВСКИЙ: А кто же их не любил? Сказки Пушкина были частью школьной культуры сталинского послевоенного времени, как мы знаем. Но странным образом в отличие от других насильно прививаемых литературных божков Пушкин не вызывал психологического отторжения.

ИЗВЕСТИЯ: Когда стоит начинать читать Пушкина?

КУБЛАНОВСКИЙ: Я думаю, начинать надо, когда ребенок и читать еще не умеет. Надо, чтобы родители начинали прививать Пушкина ребенку лет в пять-шесть. И сказки, и даже некоторые стихи, которые вполне доступны детскому сознанию — на уровне не смысла, но чувства.

ИЗВЕСТИЯ: Ваши любимые пушкинские издания?

КУБЛАНОВСКИЙ: Я очень люблю и часто рассматриваю небольшую книжечку «Граф Нулин» с иллюстрациями Кузьмина. Люблю, чтоб Пушкин был «по руке», как выражался Василий Розанов. Не надо никаких гигантских фолиантов, тем более без алфавитного указателя. Произведения Пушкина должны издаваться высокограмотно, аристократично и демократично разом, ведь его поэзия удивительным образом совмещает в себе и то, и другое, и третье.